

Трудности набора

— Старшой, так дело не пойдёт. Прошло уже дня четыре, а мы и двух десятков человек не набрали. До заветной сотни, что нам поручили, еще как до луны, — Чан Ху уныло подпер голову рукой, всем своим видом выражая крайнюю степень изнеможения.

— А я что сделаю? — Ван Цюань безнадежно развел руками. — Указ черным по белому здесь висит, а они и шагу в нашу сторону не делают. Как их завлечь? Мы и так среди всех лавок больше всего народу собрали.

Те полтора десятка рекрутов, что всё же записались, походили скорее на сушеных обезьян. Не будь они из семей бедняков, пришедших за двумя ляннами серебра, вряд ли бы кто-то вообще явился.

— Когда наш тысячник освободится? Мне кажется, если бы он сам встал у стола, народ бы сразу повалил, только пятки бы сверкали, — мечтательно произнес Чан Ху.

В ту же секунду он получил звонкий подзатыльник и вскрикнул от неожиданности.

— Ишь, чего удумал! Нашего тысячника — да на караул? Ты бы еще сказал «торговать лицом», — Ван Цюань смерил подчиненного презрительным взглядом.

Чан Ху шмыгнул носом и больше не решался на подобные фантазии. От нечего делать он принялся водить глазами по сторонам, как вдруг заметил знакомую фигуру. Лицо его просияло, и он поспешно дернул старшого за рукав.

— Гляди-ка! Гляди! Это не наш ли тысячник Коу? Только кто это с ним рядом — белоручка какой-то, кожа да кости? — возбужденно завопил парень.

Голос его был столь громок, что двое приближающихся мужчин услышали всё до последнего слова. Лицо Чу Цы, шедшего подле Коу Цзина, потемнело.

«О, юноша, прекрасно, — промелькнуло в его голове. — Тебе удалось привлечь моё внимание!»

— Ты что несешь?! А ну, живо извиняйся! — Ван Цюань, заметив, как помрачнел тысячник Коу, отвесил Чан Ху еще одну затрещину.

Тот, хоть и не вполне понимал, в чем провинился, послушно пробормотал извинение.

— Это Чу Цы, сюцай Чу, — представил Коу Цзин, и тон его при обращении к спутнику мгновенно смягчился. — Цы-ди, это Ван Цюань, один из моих глав знамени. А этот — Чан Ху, просто рядовой.

— Приветствую доблестных мужей, — с вежливой улыбкой отозвался Чу Цы.

— Почтение господину сюцаю, — оба воина сдержанно поклонились.

— Ван Цюань, много ли людей удалось набрать? — спросил Коу Цзин, оглядывая пустующий стол.

— Тысячник, за три дня ко мне пришли шестеро. Получается по двое в день, — глава знамени виновато опустил голову.

— Так мало? — Коу Цзин нахмурился.

— У Ху Цзюня пятеро, у Чжун Бао всего трое, у Доу Бина тоже трое. Здешние края богатые, люди не знают такой нужды и холода, как в нашем Мобэе, оттого и в армию идти не спешат, — доложил Ван Цюань, излагая итоги своих наблюдений.

— И вы так и стоите? — Чу Цы огляделся и указал на доску, где на белой бумаге красовались два крупных иероглифа: «Набор войск».

— Мы все так набираем. А что не так? — спросил Чан Ху. Он видел, что этот юный ученый пригож собой, но телом слаб — того и гляди ветром сдует, поэтому в глубине души относился к его словам с пренебрежением.

— Эх, никакой у вас изобретательности. Как так можно найти подходящих людей? Вы выставили два огромных иероглифа. Те, кто умеет читать, давно ушли в науку. А те, кто не учился, грамоты не знают и просто не понимают, что вы здесь делаете. К тому же вид у тебя весьма свирепый, люди просто боятся подходить.

Чу Цы мысленно поздравил себя: должок за «белоручку» был возвращен. Коу Цзин, заметив его довольное выражение лица, невольно улыбнулся.

«Это у меня-то свирепый вид?» — обиженно подумал Чан Ху.

Впрочем, в одном ученый был прав: те немногие, кто записался, действительно знали хотя бы пару знаков. Желающих-то было больше шести, да вот под условия они не подходили.

Во-первых, возраст должен быть старше шестнадцати лет. Во-вторых, рост — не ниже пяти чи и двух цуней. И, конечно, рекрут не должен быть совсем уж хилым. Те, кого взяли, хоть и были

худощавы, но силой не обделены; таких только откормить — и в строй.

Неужто и впрямь всё из-за неграмотности? Ван Цюань и его подчиненный переглянулись. Сами они выучили несколько иероглифов уже в лагере: военный советник велел командирам обучать солдат, а тех, кто ленился, поучали кулаками.

— И что же делать? Может, покричать на всю улицу? — предложил Чан Ху.

Ван Цюань окинул взглядом прохожих и буркнул:

— Вот ты и кричи.

— Это еще почему я?! — возмутился парень. — Старшой, у тебя глотка луженая, тебе и зазывать!

— Я здесь главный или ты? Если я буду делать всё за тебя, на кой ты мне сдался? А ну, ори! — Ван Цюань отвесил ему легкий пинок.

Делать нечего, солдату пришлось выйти вперед. Он несколько раз прочистил горло, потоптался на месте и едва слышно выдал:

— Набор войск...

— Ты издеваешься?! Кто тебя так услышит? Громче!

— На-а-або-ор... войск, — проорал воин на первом слове, но к концу фразы голос его снова сорвался на шепот.

— Старшой, давай лучше ты! Не могу я, язык не поворачивается! Давайте другой способ придумаем, а? — парень чуть не плакал. В обычном разговоре он за словом в карман не лез, а как дошло до зазываний — всё нутро восстало.

Чу Цы, стоя в сторонке, тихо посмеивался, чем вызвал гневный взгляд Чан Ху.

— Господин сюцай, вы никак над нами подшучиваете?

— Если у тебя голоса нет, я-то при чем?

— Ах так? Сами тогда кричите!

— Это не я войска набираю, с чего мне кричать? — Чу Цы спрятался за спину Коу Цзина, продолжая подначивать этого Чан Сяоху.

— Довольно. На сегодня сворачивайтесь, — распорядился Коу Цзин, видя, что Ван Цюань тоже не горит желанием упражняться в красноречии. — Собирайте остальных и идите в поместье Коу. Вечером всё обдумаем и найдем решение. Нам нужно набрать людей за день-другой, чтобы успеть их хоть немного обучить до отправки.

— Мочжи-сюн, ты вечером уходишь? — в голосе Чу Цы послышалось разочарование.

Этот «Коу Цзинцзин» на первый взгляд казался нелюдимым, но в беседах оказался на редкость приятным собеседником. Проведя несколько ночей под одной крышей, Чу Цы наконец узнал, что такое истинные полуночные разговоры при свечах. К тому же Коу Цзин обладал блестящим умом и мастерски разбирал темы сочинений — Чу Цы надеялся поучиться у него еще немного.

— Прости, Цы-ди. Дела службы не ждут: пока отряд не укомплектован, я должен быть рядом с людьми. Как только освобожусь, мы обязательно еще погуляем вместе, — Коу Цзину и самому не хотелось прерывать их общение. Он обнаружил, что в жизни Чу Цы куда интереснее и многограннее, чем в письмах.

От этой доверительной, едва ли не нежной атмосферы между ними у Чан Ху поползли мурашки по коже. Он шепнул Ван Цюаню:

— Гляди, старшой, вот за что я не люблю этих белоручек. Посмотри, что он с нашим сотником сделал! Был же нормальный, прямой мужик, а теперь во что превратился?

Коу Цзин и Ван Цюань внезапно замолчали. У Чан Ху был редкий дар: когда нужно было кричать, он шептал, а когда следовало помалкивать — его голос гремел на всю округу. Чу Цы со странной усмешкой посмотрел на воина.

«Хорошо, мужчина. Тебе снова удалось привлечь моё внимание!»

Попрощавшись с подчиненными, Коу Цзин последовал за Чу Цы в сторону дома Сюй Чжэна. Пройдя часть пути, он негромко произнес:

— Цы-ди, не сердись на Чан Ху. У него нет злого умысла. Он вырос на севере, там люди привыкли говорить что думают, не выбирая выражений.

Чу Цы обернулся и лукаво прищурился:

— Ты так за него вступаешься... Неужто считаешь меня мелочным и злопамятным?

Коу Цзин на мгновение засмотрелся на изгиб его век, а осознав смысл вопроса, поспешно возразил:

— Что ты, Цы-ди! Как я мог такое подумать? Я лишь не хочу, чтобы ты расстраивался.

Чу Цы прыснул со смеху:

— Мочжи-сюн, ты слишком серьезен. Я просто нахожу этого парня забавным, вот и поддразниваю.

«Забавным? Парня?»

Коу Цзин нахмурился:

— Не смотри, что он ведет себя как недоросль, ему уже девятнадцать.

Чу Цы сперва задумался, а затем только осознал, что ему и самому-то сейчас девятнадцать. Он коротко рассмеялся и добавил:

— Оказывается, мы ровесники. А повадками вылитый мой младший брат, Чу Юань. Ладно, мы почти пришли. Попробуем зайти вместе, может, мне удастся представить тебя учителю Сюй.

Коу Цзин кивнул и последовал за ним к дверям Сюй Чжэна. На стук вышел тот самый дюжий слуга.

— Юный господин Чу, проходите скорее, хозяин на заднем дворе.

— Погоди, братец Сюй. Не мог бы ты доложить господину, что со мной пришел добрый друг? Он тоже желает засвидетельствовать свое почтение учителю, если это будет удобно.

— Хорошо, сейчас доложу.

Спустя минуту слуга вернулся и пригласил их войти.

— Что? Привел друга? — ворчал себе под нос Сюй Чжэн. — Мало того что сам объедает, так еще и подмогу позвал? Ладно уж, веди их.

Коу Цзин шел следом за Чу Цы. Попав на задний двор, он отметил про себя, как здесь уютно и ладно всё устроено. Люди военные тоже ценили порядок и не выносили суеты.

Сюй Чжэн прищурился, изучая гостя. Чу Цы, опасаясь, что старик начнет отпускать замечания по поводу шрама на лице друга, поспешил выступить вперед.

— Учитель Сюй, позвольте представить: мой близкий друг, Коу Цзин, в быту — Мочжи. Мочжисюн, это учитель Сюй.

— Младший приветствует почтенного учителя, — Коу Цзин почтительно склонился в поклоне ученого.

— Твоего отца, часом, звали не Коу Циньгун? — внезапно спросил старик.

Коу Цзин на мгновение замер от удивления.

— Покойного отца звали Минь, в быту — Циньгун. Если почтенный учитель не ошибся, то речь идет именно о моем отце.

— Покойного? Значит, он...

— Отец долго томился недугом, прежде чем отойти в лучший мир.

— Небеса завидуют талантам... — вздохнул Сюй Чжэн. — Он был моложе меня, но раньше преуспел в науках. Помню, я зачитывался его сочинением, которое он представил на дворцовых экзаменах.

Упоминание об отце вызвало у Коу Цзина волну светлой грусти. Чу Цы легонько коснулся его руки, выражая немую поддержку.

— Вижу, ты полон воинской стати. Наверняка пришел не за тем, чтобы расспрашивать меня о тонкостях классики? — Сюй Чжэн пронизательно посмотрел на гостя.

— Я многократно слышал от Цы-ди слова восхищения вашим талантом. В моей душе зародилось глубокое почтение, и я осмелился нанести визит. Прошу учителя не гневаться за мою дерзость.

— Ну-ну, складно звонишь, — хмыкнул Сюй Чжэн. — Только вот интересно, что это Чу-цзы мог наплести обо мне хорошего?

Он бросил взгляд на Чу Цы, который в ответ лишь заискивающе улыбнулся. Старик не стал развивать тему и перешел к проверке сочинений своего ученика.

Разбирая рукописи, он время от времени задавал вопросы Коу Цзину. Тот отвечал спокойно и

уверенно, не таясь и излагая свои мысли прямо.

Чу Цы с восхищением слушал их беседу. Он-то мнил, что его работы уже вполне хороши, но в сравнении с истинно эрудированными мужами отчетливо видел, сколько вершин ему еще предстоит покорить.

Взяв кисть, Чу Цы принялся записывать их диалог, превратившись в прилежного слушателя.

В тишине заднего двора лишь изредка раздавались голоса, уносимые легким ветром. Трое мужчин сидели под открытым небом, и в атмосфере, царившей между ними, чувствовалась редкая, почти осязаемая гармония.

Годы спустя, когда потомки посетят дом великого ученого, они увидят статуи, запечатлевшие этот миг — трое мудрецов, чьи лица озарены улыбками, словно они никогда и не покидали этого пристанища.

<http://bllate.org/book/15354/1436447>